

УДК 94+300.116+008

К проблеме генезиса культуры русского народа в советской историографии

В.Л. Кургузов^a, А.Ф. Поляков^b

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, ул. Ключевская 40в,
Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

^avlkurguzov@rambler.ru, ^bpafives@rambler.ru

Статья поступила 11.04.2019, принята 16.05.2019

Проблема зарождения, истории национальной культуры любого народа всегда привлекала и будет привлекать внимание ученых-гуманитариев последующих поколений. Большой интерес к этой теме проявили советские историки, оставившие выдающиеся образцы научного наследия – наше национальное достояние, которым стоит гордиться.

Ключевые слова: Россия; Украина; история; историография; традиции; культура; цивилизация.

To the problem of the genesis of the culture of the Russian people in Soviet historiography

V.L. Kurguzov^a, A.F. Polyakov^b

East Siberian State University of Technology and Management; 40B, Klyuchevskaya St., Ulan-Ude,
Republic of Buryatia, Russia

^avlkurguzov@rambler.ru, ^bpafives@rambler.ru

Received 11.04.2019, accepted 16.05.2019

The problem of the origin, the history of the national culture of any nation has always attracted and will attract the attention of humanities scholars of subsequent generations. Great interest in this topic was shown by Soviet historians, who left outstanding specimens of the scientific heritage - our national heritage, which we should be proud of.

Keywords: Russia; Ukraine; history; historiography; traditions; culture; civilization.

Уже в самом начале следует подчеркнуть, что советская культура представляет собой целую эпоху отечественной истории, и со стороны ученых-гуманитариев было бы непростительной ошибкой обходить ее вниманием. Не подлежит сомнению и то, что советская культура – наше национальное достояние; она создавалась на лучших образцах мировой и отечественной культуры и потому до сих пор остается фундаментом нашего современного социального бытия. Эта культура, как бы к ней ни относиться в наше время, органично впитана в наш язык и наше державное чувство, в нашу систему ценностей и образ жизни.

За последние годы вышло множество учебных и научных изданий, в которых предпринимаются попытки умалить значение советской культуры,

советского образа жизни, свести на нет чувство советского патриотизма. Нередко реализуются тактика умолчания, искажения фактов или же теоретический материал подается как обвинительное заключение по отношению к советской культуре. Советология, некогда представлявшая собой исследование и истолкование марксистско-ленинского учения, социалистического строительства и мирового коммунистического движения в антикоммунистических целях, становится в современной России сферой деятельности некоторых представителей культуры, искусства, специалистов-гуманитариев, этим обретая образ советофобии.

И все же, постепенно приходит прозрение у значительной части населения нашей страны. Все

настойчивее звучит призыв перестать стыдиться самого слова «советский», к чему бы оно ни относилось. А из сказанного выше вытекает необходимость тщательного всестороннего и добросовестного изучения всех сторон жизни советского общества, в том числе и исторической рефлексии¹ достижений советской культуры во всем многообразии ее противоречий и достижений.

В связи с этим следует подчеркнуть, что объективная и полная история советской культуры пока еще не написана, и опасаемся, что еще долго написана не будет. Объясняется это не только сложностью и многоаспектностью темы, недостаточной разработанностью источниковой базы, но, как справедливо утверждает доктор исторических наук, профессор Балтийского государственного технического университета А.С. Мыльников, «в значительной степени и эмоционально-личностным отношением отважившихся на это авторов к недавнему прошлому. Наверное, именно поэтому до сих пор на невспаханном поле истории советской культуры не серьезные обобщающие труды, а публицистические набег, в значительной степени односторонние конъюнктурные, а то и просто дешевые однодневки» [1, с. 6].

При анализе трудов отечественных историков, обративших свое внимание на особенности советской культуры, бросается в глаза еще и то, что пока остается за кадром анализ соотношения понятий «советская культура» и «культура народов Советского Союза», из которых первое понятие более узкое, но имеющее тенденцию к расширению, а второе — более широкое, имеющее тенденцию к сужению.

Что касается метода, то, по мнению того же А.С. Мыльникова, «историю советской культуры можно трактовать как историю формирования советского образа жизни. А это обязывает историка обратить внимание на источники и, наряду с официальными из них, должны быть привлечены источники обыденного характера, с помощью которых станет возможным определить, как все это было на самом деле» [1, с. 7].

И, наверное, самое главное: современным российским историкам не следует забывать то, что феномен советской культуры занимает особое место в системе исторической типологии мировой культуры как один из самых уникальных и вместе с тем драматических периодов в истории борьбы человечества за идеалы социальной справедливости. Именно в этом, как нам представляется, за-

ключена его поучительность для весьма неоднозначных процессов реформирования всех сторон жизни современной России.

В советской историографии проблема начала русской культуры решалась в трех вариантах.

Во-первых, с конца 40-х гг. прошлого века в советской исторической литературе господствующей была концепция об автохтонном среднеднепровском происхождении Руси, древнерусского государства и русской культуры, что убедительно иллюстрируется историческими трудами Б.Д. Грекова и Б.А. Рыбакова, которые связывали основы формирования русской национальной культуры с образованием классов, становлением государственности, возникновением городов и феодализацией общественных отношений. Под влиянием этих процессов культура восточных славян приобрела целенаправленное развитие, и его итогом стала единая русская культура.

Во-вторых, академик Д.С. Лихачев связывал начальный период русской культуры с социокультурными процессами, особо выделяя при этом принятие христианства и трансплантацию византийской культуры в ее славянской редакции [2].

Такой подход позволяет раскрыть глубинные основания, целостность и единство мира, в котором жил древнерусский человек, что, собственно говоря, и составляет предмет истории культуры. В современной историографии данный подход преломляется через концепцию «осевого времени» К. Ясперса и рассуждения В.С. Соловьева и Н.А. Бердяева о прерывности русского цивилизационного развития. Принятие христианства при этом оценивается как национально-культурное отречение, положившее начало приобщению Руси к ценностям европейской культуры, особенно с петровских реформ. Для научного творчества советского и современного российского историка И.В. Кондакова характерен именно такой методологический подход, ярко выраженный в его фундаментальном труде «Введение в историю русской культуры» [3].

Третий вариант решения интересующей нас проблемы связан с творчеством Л.Н. Гумилева, который, исходя из своей пассионарной теории, видел начальные пласты русской истории в эпохе XIV–XV вв.

Тезис о культуре восточного славянства как истоке русской культуры никогда не ставится под сомнение советскими историками, поскольку это противоречило бы исторической реальности и изначальным основам русского самосознания. Спорным и явно недостаточным, на наш взгляд,

¹ Под рефлексией обычно понимается определенный подход к анализу сознания.

представляется лишь обоснование этно- и социально-культурных процессов учением об экономическом базисе. Именно при таком подходе культура понимается как эманация (фантастическое измышление) социально-экономических процессов в обществе. И тогда за начала русской культуры принимаются различные вехи русской государственности, которые выделяют современные российские историки — VI век (Б.А. Рыбаков), IX–X века (И.П. Шакольский), XIV–XV века (Б.И. Краснобаев). Однако формирование государственности любого народа аккумулирует национальные основы его культурного бытия, сложившиеся в глубокой древности. В порядке промежуточного вывода можно сказать, что проблема начала в советской историографии решалась, соответственно, в политическом, социальном и этнокультурном аспектах, каждый из которых имел своих предшественников в дореволюционной историографии. Социально-культурный подход восходит к традициям русских летописей, политический — к построениям академической историографии, этнокультурный — к работам российских историков Н.А. Полевого и Н.И. Костомарова. Историки культуры советского периода чаще всего лишь подводили свои концепции под эти построения.

Примечателен и тот факт, что советские историки никогда не подвергали сомнению то, что началом всех начал была, есть и будет Киевская Русь — сначала языческая, а затем и христианская. Именно поэтому далеко не однозначные события, происходящие сегодня в некогда братской Украине, не оставляют равнодушными россиян, которые хорошо помнят многовековое совместное проживание русских и украинцев в рамках единого государства, сначала России, затем Советского Союза.

Тревогой наполняются наши сердца, когда мы видим, как сегодня на Украине рушится эта память, скрепленная многовековыми трудовыми и боевыми традициями. Однако уничтожить память не удастся никому. Именно это и подтверждается нашей общей историей, берущей свои начала в глубокой древности.

Убедительной в этой связи является позиция выдающегося советского историка, действительно члена АН СССР Б.Д. Грекова, важной темой исследований которого как раз и являлась история Древней Руси и восточных славян. В своем фундаментальном исследовании «Киевская Русь» (1939) на основании тщательного анализа всех видов источников автор опроверг существовавшее в исто-

рической науке мнение о рабовладельческом характере древнерусского общества и доказал, что восточные славяне перешли от общинного строя к феодальным отношениям, минуя рабовладельческую формацию. Он констатировал, что основной хозяйственной деятельностью Древней Руси было высокоразвитое пашенное земледелие, а не охота и звериные промыслы, и тем самым разрушил миф буржуазных историков об отсталости социально-экономического строя восточных славян. Кроме того, Б.Д. Греков пришел к выводу о наличии в Древней Руси государства и опроверг антинаучные выводы теории норманистов, считавших, что государственность на Руси была привнесена извне только в IX в.

Для темы нашей статьи крайне актуальным является и то, что Б.Д. Греков разрушил националистическую концепцию украинского историка М.С. Грушевского, считавшего Киевскую Русь родиной одной лишь Украины, и доказал, что она была общей колыбелью русского, украинского и белорусского народов. Примечательно, что в своем труде «Культура Киевской Руси» Б.Д. Греков показал высокий уровень этой культуры, несколько не отстававший от своих европейских соседей и игравший важную роль в международном сотрудничестве [4–6].

У нас нет оснований причислять к советским историкам писателя русского зарубежья, видного политического и общественного деятеля России П.Н. Милюкова. Однако немаловажный интерес для нас представляет его мнение о первых шагах в становлении советской культуры, ибо он сам поставил перед собой задачу в своем фундаментальном труде «Очерки по истории русской культуры» «дать читателю научно обоснованное представление о связи настоящего с прошлым» [7, с. 19].

Разве можем мы игнорировать, например, мнение П.Н. Милюкова о том, что вступление в русскую литературу поколения, выросшего и воспитавшегося после Октябрьской революции, совершенно не связанного с прошлой школой и самообразованием, скажется на судьбе русской литературы в будущем. Или о том, что «русская литература, взятая в целом, не утратила жизнеспособности и внутренней силы сопротивления» [7, с. 3]. В итоге автор теории приходит к выводу, что большевики во многом продолжили ту культурную политику, которая сложилась на рубеже веков. Это выразилось, в частности, в тенденции к демократизации культуры, которая, как и ранее, выражалась в передаче культурных приобретений от интеллигенции народу, сверху вниз, и, как следствие, в подъе-

ме культурного уровня народной массы. Главное орудие этого подъема Милюков видел в развитии

При всей враждебности к советской власти и демократизации культуры, она, как считал Милюков, не смогла серьезно препятствовать ей. Напротив, «невольнo открыла для нее пути, неведомые будут сняты связывающие национальную жизнь внешние пути» [7].

Вместе с тем, П.Н. Милюков отрицательно отвечал на вопрос: «Создал ли большевистский период русской революции какие-либо совершенно новые элементы русской культуры?». Он считал, что большевики продолжили лишь те процессы, которые начались ранее, и не создавали новых шедевров. Продолжение этого, как он полагал, сводится более к распространению в массах готовых элементов культуры, чем к созданию новых. Произошел отход от утонченных, недоступных массам форм культуры «конца XIX в. — XX в. и возврат к реализму и просветительской работе предыдущего времени», что не ослабило, а, скорее, усилило преемственность исторического процесса [7, с. 479–481].

Нам трудно согласиться с этим выводом П.Н. Милюкова. Трудно хотя бы потому, что он как бы не замечает, что в условиях новой, после-революционной России в искусстве и литературе родился метод социалистического реализма, который принципиальным образом проявил себя в творчестве таких гигантов культуры, как М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, целой плеяды советских композиторов, скульпторов, архитекторов, словом, всех тех, кто создал поистине шедевры мирового искусства, которые и поныне восхищают сердца миллионов людей не только в нашей стране, но и во многих странах мира.

Рассуждая о проблемах генезиса русской культуры в трудах советских историков, нельзя упустить вклад в их решение русского историка и географа Л.М. Гумилева, который, исходя из своей пассионарной теории¹, видел начальные пласты русской истории в эпохе XIV–XV вв. Именно к этому времени, по его мнению, сложился российский суперэтнос со свойственной только ему этнической традицией, которая принципиальным образом отличается от восточно-европейской в базовых характеристиках. Это позволило Гумилеву сделать вывод о двух несвязанных потоках отечественной истории. Однако при этом делается оговорка о сохранении культурной преемственности Киевской Ру-

школы.

старому режиму». Независимо от желания этой власти, процесс приобщения масс к культуре развивается дальше, а «плоды его скажутся, когда

си в Московском царстве, и прежде всего — православной веры.

Различая этническую и собственно культурную традицию, Л.М. Гумилев относит к первой само поведение людей, а ко второй — сумму знаний и представлений, передаваемых от этноса к этносу, что и создает единство исторического развития.

Из всего вышесказанного вытекает вывод о том, что проблема первоначала русской культуры в советской историографии решалась соответственно в *политическом, социокультурном и этнокультурном* аспектах. Каждый из них, безусловно, имел своих предшественников в дореволюционной историографии.

Социокультурный подход восходит к традициям русских летописей, политический — к построениям академической историографии (Н.Я. Данилевский, В.О. Ключевский), этнокультурный — к работам Н.А. Полевого, Н.И. Костомарова.

Особое значение при этом приобретают выводы, которые были сделаны известными отечественными исследователями феномена культуры Д.С. Лихачевым в его монографии «Прошлое — будущему» (1985) и В.М. Межуевым в монографии «Культура и история» (1977).

Литература

1. Мыльников А.С. Феномен советской культуры как предмет изучения: пять советов будущим исследователям // Советская культура в контексте истории XX века: материалы науч. конф. СПб., 2000. Ч. 1. С. 3-12.
2. Лихачев Д.С. Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976.
3. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.
4. Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1939.
5. Греков Б.Д. Культура Киевской Руси. М., 1944.
6. Греков Б.Д. Избранные труды. В 5 т. М., 1957. Т. 1.
7. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1995; Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. М., 1994. Т. 2, Ч. 1; Т. 2, Ч. 2.

¹ Описывает исторический процесс как взаимодействие развивающихся этносов с вмещающим ландшафтом и другими этносами